

«Я всегда буду против». Почему Летов и Пирогов

ПлатонБеседин

[Платон Беседин, 29 октября 2018](#), 22:10 — REGNUM Продолжается голосование, в рамках которого каждый может предложить имя для крупнейших аэропортов России. Меня, собственно, волнуют два: первый — в Омске, второй — в Симферополе. Выбор крымского варианта важен, потому что это знаковый объект после возвращения полуострова на Родину. А вот с Омском — иная история: тут аэропорту могут присвоить имя **Егора Летова**. Такой вариант возможен. И это было бы правильно.

Илья Репин. Портрет хирурга Н. И. Пирогова. 1881

Ведь поколение Егора Летова — это про многих людей в России. В 90-е, когда постсоветским молодёжным пространством правили чёрные майки с названием групп, «Гражданская оборона» встречалась едва ли не чаще других. Однако спустя время — спустя 10, 20 лет — имя Егора Летова никуда не уходит. Наоборот — распускается новыми смыслами.

Музыка «Гражданской обороны» — не самая выдающаяся на планете. Она не сложносочинена как King Crimson или Led Zeppelin, не гениально проста и мелодична как Beatles или Nirvana, и не столь убойна как Ramones; музыка в случае Летова — только лишь необходимый фон, дополнение. Хотя Егор немало экспериментировал, искал свой звук.

Впрочем, русский рок всегда был музыкально несколько вторичен по отношению к своему западному предтече. И «Аквариум», и «Машина времени», и «Зоопарк», и «Чайф», и особенно «Алиса» с «Кино» (привет The Cure и The Smiths) — всё это во многом подражание, часто лишь повторяющее оригинал. Русский рок брал другим: текстами, смыслами, посылами, атмосферностью — содержанием. В случае Летова — особенно. Не уверен, правда, что Егор в полной мере вписывается в понятие «русского рока». Он сам по себе. Вполне неплохо существует себе и без русского рока, а вот тот без него — никак.

Егор Летов и группа «Гражданская оборона»

Gr-oborona.ru

Но первично другое: Егор Летов — это, прежде всего, русский мыслитель, а его творчество — экзистенция русского духа, того, в котором тесно переплелись поражение и победа, того, где любое достижение возможно лишь через подвиг. Русские выигрывают не благодаря, но вопреки. Русские идут не по асфальтированным дорогам, а по заснеженным полям, продираясь сквозь метель, чтобы преодолеть многие препятствия, но, прежде всего, своё Я.

Национальный гений — известное выражение. Но есть другое: гений национален. Это когда гений невозможен без своей земли. Такими были Гёте или Вагнер, к

примеру. Но есть и третий случай: это когда гений — или великий талант, так точнее — будет непонятен никому, кроме своего народа. Хороший пример тут — «Москва — Петушки» Ерофеева. Сколько ни переводили данный труд на иностранные языки — ни особого интереса, ни, главное, понимания он не вызвал. С Летовым — та же история. Он близок и понятен, прежде всего, русскому человеку.

Потому что в самом Летове изначально, на глубинном уровне, сидело то, без чего невозможна истинная русскость — острое, обострённое даже чувство справедливости. Фраза «он искал правды» в последнее время звучит либо как оскоминный штамп, либо как аванс-комплимент. Но в случае Летова надо отказаться от заезженных коннотаций и понять, что поиск правды — это, действительно, про него. Правды, понимаемой в русской традиции как истина и справедливость.

Поэтому фраза Летова, которую он так любил повторять соратникам и по музыке, и по партии, — «больше красного!» — означала, в первую очередь, стремление к социальной справедливости, той, которая, собственно, и задумывалась в идеальном коммунизме, но была лишь в трактатах, а не на деле. Тем страннее вопрос, почему Летова не устраивала сначала действительность советская, а после та, что из 90-х. Да потому что и при одном, и при другом строе из жизни выпали люди — обманутые, униженные и оскорблённые. Отсюда и известное летовское: «Я всегда буду против». Против несправедливости.

Здание омского аэропорта

Ivan zvuk

Егор Летов — это русский панк-философ, идол своего поколения. Его творчество — это устремление из самых мрачных глубин русского подсознания к идеальному обществу справедливости, в котором главное — Человек. И назвать в честь Летова омский аэропорт — самолёты, собственно, тоже летают на высоте — значит не только увековечить память талантливого человека, но и устремить Россию к обществу справедливости, умчавшись от общества кастового, где есть люди простые, а есть верховные жрецы (не важно, как ты их назови — партийные бонзы или олигархи).

И второй аэропорт, для которого важно имя — это симферопольский. Тут официально предложены варианты: императрица **Екатерина II**, поэт **Максимилиан Волошин**, адмирал **Павел Нахимов**, князь **Лев Голицын**, издатель **Исмаил Гаспринский**, врач **Николай Пирогов**, художник **Иван Айвазовский**, писатель **Антон Чехов**, учёный **Дмитрий Менделеев** и писатель

Александр Грин. Остановятся, полагаю, скорее на всего на Айвазовском или на Екатерине II (последнее совсем пресно).

Однако концептуально из предложенного (я лично ратовал за аэропорт им. **Николая Данилевского**) более всего подходит имя русского хирурга Николая Ивановича Пирогова. И то, что жизнь его на полуострове связана прежде всего с Севастополем (а это, как мы помним, город, отдельный от Крыма, и административно, и, главное, историософски, метакультурно) — только в плюс. Ведь именно Севастополь стал энергетическим и смысловым центром Русской весны. Именно Севастополь является точкой сборки и цивилизационным центром России, которая с возвращением города-героя должна была устремиться к новым высотам.

Иван Тихий. Н. И. Пирогов осматривает больного Д. И. Менделеева

И главное в Русской весне — это подвиг людей (будничный подвиг, как у Толстого). Такой подвиг ранее совершил и Пирогов, когда попросился на Крымскую войну.

Тогда это было всё равно что проситься в Грозный в 2000 году. Вот что писал Пирогов жене из осаждённого Севастополя: «Мы живём на земле не для себя только; вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, через целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем...» И дальше: «Тому, у кого не остыло ещё сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на всё, что делается вокруг нас, смотреть односторонним эгоистическим взглядом...»

Аналогично думали истинные севастопольцы, когда творили Русскую весну. Потому что таков истинный патриотизм, деятельный, созидательный, а не та тусклая казёнщина, коей нас пичкают с телеэкрана. И слова эти, написанные Пироговым жене, необходимо выбить на здании симферопольского аэропорта; в них — суть того, к чему должна устремиться Россия, объединённая идеологией подвига.

Первую же свою ночь в Севастополе Пирогов, отказавшись ночевать у князя Меншикова, провёл на Четвёртом бастионе. Том самом, о котором Толстой писал: «Остаться в живых здесь — всё равно, что выиграть в лотерею». Тогда же Николай Иванович, родоначальник военно-полевой хирургии в мире, ввёл сортировку раненых. Это одно из его новшеств в медицине. Пирогов не только оперировал раненых (более 6000 за полгода), учил коллег, вводил новую систему администрации, но и успевал писать важнейшие научные работы. Так же и Севастополь, Крым сдвинули тектонические плиты истории: мир после 2014 года никогда уже не будет прежним.

Аэропорт Симферополя

Sipaero.ru

Пирогов — гений, но гений не замкнутый, а устремлённый, как и Летов, в большей мере и другим путём, к обществу справедливости. И прав был Некрасов, отзываясь на деятельность Николая Ивановича: «Всякая личность, отмеченная печатью гения, соединяет в себе высочайшее развитие лучших свойств человеческой природы, — эта истина как нельзя лучше оправдана Пироговым. Это подвиг не только медика, но и человека». При этом поэт добавлял: «Пройдёт война, и имя Пирогова залетит туда, куда не заглядывала ещё ни одна русская популярность...» Это также немаловажно: аэропорт должен быть назван в честь тех русских людей, кто не просто известен во всём мире, но и чей авторитет неприкасаем.

Будет концептуально правильно, если в Омске появится аэропорт им. Егора Летова, а

в Симферополе — им. Николая Пирогова. У этих людей разные судьбы, масштабы, но русская экзистенция у них одна. И нам пора бы уже вспомнить своих истинных героев. Не только в названиях аэропортов, но и в целом.

Главное для России сегодня — это не военное могущество, не интеллектуальное доминирование (хотя будет ли это?), а построение общества справедливости, где в основе всего будет стоять Человек, чьё достоинство будет защищаться, а милосердие и сострадание к ближнему станут догмами. Перейти к деятельному патриотизму, к русскому сознанию во всей его полноте значит получить шанс на спасение. Это, к слову, тоже подвиг — маленький, но делающий серьёзный задел на большой подвиг в будущем. Тот, который мы должны были совершить после возвращения Севастополя и Крыма на Родину.

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции.